

18+

Александр Станиславович Сих

*Любви
неведомые
тропы*

Александр Сих

Любви неведомые тропы

«Издательские решения»

Сих А. С.

Любви неведомые тропы / А. С. Сих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984813-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Что такое любовь? Вопрос один — ответов много. И как любовь связана с судьбой? Когда стрела Амура пронзает сердце, то оказывается побеждённым разум. А воля? И кто из них главнее — воля или разум? Особенно когда дело касается любви. А измена? Предательство? И что делать, когда, проснувшись, вмешивается совесть? В этой книге нет научных ответов на эти вопросы, но есть пища для философских и просто жизненных размышлений.

ISBN 978-5-44-984813-0

© Сих А. С.

© Издательские решения

Содержание

Прощальная песня Любви	6
Любви таинственные тропы	13
1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Люби неведомые тропы

Александр Станиславович Сих

© Александр Станиславович Сих, 2020

ISBN 978-5-4498-4813-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прощальная песня Любви

В первую их встречу наедине, она до неприличия пристально смотрела ему в глаза, и ей всё больше казалось, что она действительно видит, как там, в глубинах зрачков, где как в зеркале отражается душа, вспыхивают искры влюблённости, обещающие перерасти в неугаемый огонь любви. Они мерцали звёздами, пока ещё далёкими, но тёплыми, ласкающими и манящими. Они напоминали утреннюю росу, ослепительно блестящую в лучах восходящего солнца.

Зрелище было прекрасным и завораживающим, и ей хотелось, чтобы это мгновение, как в бессмертном стихотворении, остановилось навсегда. И чтобы Солнце не поднималось выше, дабы не иссушило сверкающую влагу страсти на хрупком цветке любви. Именно такие минуты блаженства и есть то необыкновенное человеческое счастье, к которому все стремятся и которое не имеет земного сравнения и эквивалента. Оно бесценно, ибо это плод души, а не разума. Дар неба, а не чрева земли. Зов космоса, а не клич инстинкта, которому подвержены все земные твари. Именно в такие мгновения человек становится Человеком, как созданием Божьим. Как высшим духовным существом, способным не убивать, а жертвовать, не брать, а дарить. Всё что имеет, вплоть до собственной жизни. И ради этого стоит жить!

Она безвольно утонула в его бездонных синих глазах, как в пучине моря, не пытаясь сопротивляться и кричать о помощи. Её медленно затягивало в бездну и от восхищения собственной невесомости, она ощущала необычайный прилив счастья. И это чувство не проходило, а усиливалось с каждой секундой.

– Пётр, как мне сейчас хорошо, ты даже не представляешь! – крикнула она шёпотом и взяла его за руку.

Он действительно не представлял, насколько ей было хорошо, потому что его душа парила в таких высотах любовной стратосферы, что Пётр опасался, ещё немного – и она оторвётся от телесного притяжения и улетит в космическое пространство вечной благодати.

– Люба, а мне всё равно лучше, – нежно и просто ответил Пётр и легонько сжал руку любимой.

– Нет, Петя, – ответила Любовь улыбнувшись. – Лучше не бывает.

Они молча шли по песчаному пляжу и ангел вселенской любви, с растущими от излучений их душ крыльями, кружил над ними, укрывая влюблённых от вечерней прохлады. Насыщенная светом Солнца Луна освещала путь, отбрасывая на рыхлый песок две, неясных контуров, тени, которые медленно двигаясь, вдруг замирали и сливались в одно большое пятно. А лёгкий морской бриз обдувал разгорячённые лица и трепал волосы, довольствуясь этим, даже не пытаясь остудить пылающие сердца. Но в этот вечер они не замечали ни сияющей луны, ни дуящего бриза, ни парящего ангела. Они были далеко. Их мысли были заняты думами о себе, но это не были корыстные помыслы прожжённых эгоистов, поглощающих энергию партнёра. Их ауры излучали сияние, наполненное мягкой нежностью, нежной заботой и заботливой любовью друг к другу, и напоминающее цветущий шар, окутавший их небесной лаской, и дарующий жизненные соки уже далеко не юным телам.

Любовь была не молода и замужем, считала себя женщиной практичной, сдержанной и давно не подверженной романтическим порывам. Работала на предприятии главным бухгалтером и уже считала, что на её жизненном пути любовный корень давно извлечён и никогда не будет больше возведён в максимальную степень восхищения.

С мужем отношения были уважительные и доверительные, без гнусных скандалов и пошлых ругательств. Появившийся год назад внук, лишь сильнее сплотил и без того крепкую и дружную семью. Дочь с зятем и внуком жили отдельно, поэтому лишних поводов к склокам не наблюдалось, а в гости ходили часто и помогали всегда и всем, чем могли. С возрас-

том, почему-то, обязанности возрастают. Оно и понятно, из простых родителей превратились в молодых бабушку и дедушку, а это большая ответственность – следить за двумя поколениями одновременно. Но справлялись.

Всё шло размеренно и обыденно, без эмоциональных взлётов на грани эйфории, но и без драматических падений на уровне трагедий. За что и благодарила Бога. Всё как во многих культурных, интеллигентных семьях, имеющих необходимый достаток, но не ставящих его во главу семейного неписанного кодекса. Жизнь текла старым устоявшимся руслом, без бурных потоков и, тем более, без водопадов. Даже маленьких.

И вдруг... такое! Стандартный двухнедельный отпуск на черноморском побережье, впервые проводимый без мужа, по причине непредвиденной занятости того на работе, и будто весь мир перевернулся вверх тормашками. Заставив её, пусть красивую и ухоженную, но отнюдь не легкомысленную и давно спустившую алые паруса с фрегата романтической юности, женщину нырнуть с головой в, неожиданно и неизвестно откуда хлынувший, поток прозрачной радости и мутной неизвестности. Как горная лавина сносит всё на своём пути, так и бурная река неукротимой любви затягивает в свой страшный водоворот, где возможно только погружение. И влюблённые романтики – слава Богу, есть ещё такие – или глупцы, близкие по духу первым, павшие жертвами стрел неразборчивого и озорного Амура, забывая о солидном возрасте и примерно о таком же общественном положении, погружаются в пучину с глазами безумца, жадно раскрыв рты, не боясь захлебнуться.

Любовь не вздыхала томно и не восклицала мелодраматических фраз, наподобие: «О Боже! Что я делаю?!» С тех пор, а это случилось на четвёртый день приезда, как она увидела Петра, бросив небрежный и мимолётный взгляд на соседний столик за обедом в пансионате, время остановилось, потому что из взоры соприкоснулись. Вокруг что-то происходило и двигалось, но для них это уже не имело ни малейшего значения. Реальность разбилась о высокую вершину возвышенного вдохновения, и раскололась на две части. В первой осталась любимая семья, а во второй появился ОН. С первой Любовь вела ежедневные телефонные разговоры, а со второй – ежедневные беседы и ежевечерние немногословные прогулки, с жаркими поцелуями и нежными объятиями. Первой реальности, по-детски краснея и волнуясь, она цинично лгала, второй, задыхаясь и трепеща, отдавала всю себя, без остатка. Все здравые мысли, нагоняющие печаль и уныние, Люба гнала прочь, как и мысли о ближайшем будущем – неминуемом расставании. О плохом думать не хотелось.

Петру думать не хотелось вообще, но не думать он не мог. Он думал всегда и везде. Постоянно. Мысли сами рождались и нагло, отталкивая друг дружку, врываются в сознание, даже ночью. Ещё полностью не проснувшись, между сном и явью, лёжа с закрытыми глазами, а мысли, узревшие тонкую щель умственного рассвета, нахально бросались в светящийся проём.

Сейчас, когда они вдвоём молча нежились упоительной вечерней благодатью и близостью собственных сердец, стучавших в унисон такту космической гармонии, Петра, почему-то, захлестнула ностальгическая волна воспоминаний. Кадры его жизненной киноленты прокручивались невидимым механиком, а из глубин душевных недр к горлу подкатывал ком необъяснимой тревоги. Это чувство, сродни животному инстинкту или сверхъестественной человеческой интуиции, появлялось у него всегда перед грозившей опасностью. Но Пётр прекрасно знал, что это не инстинкт и не интуиция. Это чувство гораздо сильнее и инстинкта самосохранения, и типичной интуиции, предвещавшей несчастье. Оно не раз спасало ему жизнь. Это чувство имело противное, липкое и в то же время скользкое имя, знакомое всем и не уважаемое никем. Это был страх. Всеобъемлющий и поглощающий, часто превращающий человека в мразь.

Так было в Афганистане, когда «духи», вырезав часовых, подбирались к полевой казарме, именно страх поднял Петра среди ночи и заставил выйти в темноту, освещаемую луной, и под-

нять тревогу. Только он, страх, не позволил там же, в Афгане, попасть в западную его роту и не быть уничтоженной в окружении «моджахедами». Пётр был тяжело ранен. За первое он получил старлея и медаль, за второе – капитана и орден. Пётр был героем. Для всех. Но только он сам точно знал, кем он был на самом деле. Пётр с самого детства был трусом. Будто ген страха, если таковой существует, был врождённым и передавался по наследству.

У него не было веских оснований давать утвердительный ответ на этот спорный вопрос, как, впрочем, и категорично опровергнуть эту нелицеприятную гипотезу Пётр также не имел возможности, за отсутствием наглядных аргументов. Он сильно любил своих родителей, и думать о них плохо не хотел, да и не имел на это морального права. Они были добрыми и ласковыми, и Пётр не мог вспомнить ни одного серьёзного скандала. Папа работал на заводе токарем, а мама, на том же заводе, лаборантом. Родители для него всегда были примером, а это самое главное. Главнее было только то, что в нём жил неизвестно когда поселившийся трус.

Как бы то ни было, но ещё в подростковом возрасте у Петра хватило храбрости это признать и начать беспощадную борьбу, а точнее – объявить собственному страху тотальную войну. Превозмогая оцепенение и дрожь, давя подступающую тошноту, Петя отчаянно ввязывался в потасовки. Один против двоих, против троих, да плевать – сколько их там! Он занимался боксом, затем, то запрещённым, то разрешённым, каратэ, а когда пришло время делать жизненный выбор, Пётр, без раздумий, поступил в военное училище. А через пять лет, будучи зелёным лейтенантом, попросился добровольцем в Афганистан, написав о своём желании в анкете ещё курсантом.

Пётр пользовался уважением старших и авторитетом младших, но никогда не позволил себе оскорбить или обидеть не только равного себе, но и рядового солдата. К нарушителям он применял дисциплинарные взыскания, предварительно проведя серьёзную и жёсткую беседу, но ни одного бранного слова никто от него не слышал. Его не все понимали и за спиной посмеивались. Но это, скорее, из зависти. Любой человек, не обладающий благородными качествами, завидует человеку, у которого их в достатке. А зависть порождает ненависть, отпрысками которой являются подлость и коварство. Всего этого Петру также хватило, но ни один завистник не мог его упрекнуть в трусости и малодушии. Он всегда был впереди, испытывая себя и искушая судьбу. А судьба Петру благоволила, выказывая свою благосклонность за несгибаемую стойкость, силу воли и доброту, позволяющие ему в любых обстоятельствах оставаться человеком. Однажды его замполит сказал: «Знаешь, Петро, о таких как ты говорят, что они родились в рубашке. Чушь это! Ты поцелованный Богом! Это я тебе говорю со всей ответственностью, как член КПСС».

Уже тогда Пётр понял всю несправедливость той войны, и что все они жертвы сильных мира сего. Их политических интриг и амбиций, когда не только офицер, сознательно посвятивший себя военному делу, но и обычный солдат, ещё вчера обычный юноша, со своими мечтами и планами, вынужден был, связанный лукавым долгом и хитроумной присягой, забирать чужие жизни и отдавать свою, на самом деле неизвестно зачем и непонятно за что. Он чётко осознал, что всякая идеология от власти, это коварная ловушка для человека. Когда верхи, живя по своим правилам, алчным и безнравственным, призывают свой народ жить скромно, самоотверженно и патриотично. Ему стало противно.

Не найдя себя в армии после возвращения из горячей точки, как принято было говорить, и после падения не только Берлинской стены, но и громадного государства, Пётр, закончив школу МВД, посвятил себя уголовному розыску. Где добросовестно продолжил уже другую войну – с увеличившейся преступностью, и со своим закадычным врагом – страхом, который нигде не погиб, не умер от испуга и никуда не эмигрировал. Здесь он принял другую присягу, более близкую пониманию и сердцу – защищать людей!

В непростое, искажённое повальной коррупцией и рэкетом, время, Пётр умудрился остаться честным и порядочным офицером и человеком, рискующим собственной жизнью

и не подставляющим товарищей. Как доказательство, ещё одно ранение и ещё одна награда. Нечистоплотными аферами и грязными интригами не занимался, не допуская подобных деяний и от своих подчинённых и коллег, что также не у всех вызывало понимание.

Находясь в больнице после ранения, влюбился в медсестру и, ничуть не задумываясь, женился. Появились дети – два мальчика и девочка. С годами Пётр дорос до начальника уголовного розыска, перейдя окончательно к руководящей кабинетной работе. Всё было прекрасно, кроме одного. Страх – подлый, мерзкий, липкий – сидел в глубине его сущности, посаженный под замок, но не уничтоженный окончательно, цинично хихикал и злорадствовал. Его никогда никто не видел, Пётр не дал ему ни малейшего шанса себя показать, но он точно знал, что страх глубоко внутри продолжает жить.

Когда Петру исполнилось пятьдесят лет, три года назад, он плюнул на все страхи, плюнул на бесполезную с ними борьбу и ушёл на почётную пенсию, чтобы просто жить. Устроился в солидную фирму – благо с его репутацией он мог выбирать – начальником охраны и пошли стабильные, спокойные и сугубо мирные пенсионно-трудоустроенные будни. Что ещё желать в этой жизни?!

И вдруг, на финишной прямой земного бытия, любовь пронзила насквозь: и сердце, и мозг, и душу. Любовь заполонила всё. Он и представить не мог, что способен на такое безумие! И вот тут, как человек прошедший горнило войны, Пётр понял, что ранение пулей ничто в сравнении с ранением любовью. Контузия полная. Такого с ним ещё не было, даже тогда, когда он ухаживал за будущей женой Ириной.

Находясь на пике душевного блаженства, десять дней пролетели как одно мгновение. Любовь, в своей слепоте, беспощадна к своим жертвам. Ей безразлично их будущее, она живёт только настоящим. Только здесь и сейчас. И только в момент наивысшего своего полёта, она становится сильнее смерти. Но, как это не печально для влюблённых, очень часто нашу жизнь определяют обстоятельства, а ещё долг и честь, и самое главное – совесть! Которая, кстати, и является – должна являться – мерилем человека всех эпох, хотя её и пытаются веками уничтожить, а на её место водрузить скользкий успех и коварную славу.

Сегодня был последний день счастья. Завтра будет печальный день разлуки. Возможно, навсегда. Может, именно поэтому они молчали больше обычного и думали каждый о своём, только ещё нежнее прижимаясь друг к другу. Вечер был чудесный, но и он грозил в скором времени перерасти в ночь, и заранее предупреждал, что пора возвращаться в пансионат, который на десять дней превратился для них в храм любви. Десять дней, потрясшие их внутренний мир. Так много и так мало. Эх, если бы суть времени заключалась в часовом циферблате, то лёгким движением пальцев... Они в унисон вздохнули, отчего грустно улыбнулись, уличив себя в единомыслии, поцеловались и медленно повернули в обратную сторону.

И тут появилась нечисть. Нет, она не имела ни рогов, ни копыт, ни хвоста. По крайней мере, они были ловко спрятаны от глаз внешнего мира. А глаза обычных граждан могли наблюдать троих, модно одетых молодых людей, может быть, немножко под градусом. И несмотря на широту пляжа, Пётр, по подкатившей тошноте и заползающему внутрь холоду, понял, что им не разминуться. Страх, взломав замок и порвав цепь, стал распространяться по всем внутренностям, леденящим холодом сковывая душу и тело. Слишком давно это было в последний раз, и Пётр уже порядком подзабыл приторно горько-кислый привкус во рту и нездоровое урчание в желудке. Он мобилизовал весь внутренний ресурс и, в который раз, огромным усилием воли, в невидимой, ожесточённой борьбе, одержал верх над своим извечным врагом.

Но как же ему было противно это ненавистное чувство, которое он так тщательно скрывал от людей всю свою жизнь. Когда говорят, что у каждого человека свой скелет в шкафу, то именно страх был тем скелетом, который Пётр надёжно прятал в своём внутреннем бронированном шкафу, не позволяя туда заглядывать ни коллегам, ни друзьям, ни жене, ни, тем более, детям. Именно страх распахивал створки своего убежища в минуты грозящей опасности

и предупреждал материальную субстанцию о возможных нежелательных последствиях, которых она, в принципе, может избежать. Для него страх был и демоном, и ангелом-хранителем.

Да, страх не раз спасал жизнь, и не только ему, но как же омерзительно жить в его власти. Лучше мёртвый лев, чем живой шакал. Пётр посмотрел на Любовь, прильнувшую к его плечу и безмятежно шагавшую с закрытыми глазами. И скоро этой идиллии наступит конец. Почему всё прекрасное непременно должно заканчиваться драмой? Эта несправедливость вызывала в нём раздражение, готовое перерасти в злость и ярость, которые затмевают собой страх. К сожалению, только затмевают, но не уничтожают.

– Какой чудесный вечер! – прошептала Любовь, не открывая глаз. – Может, потому, что он прощальный?

Какой страшный вопрос! Казалось, тоска и грусть всего мира накатила на душу Петра, заполонив собой всё душевное пространство, и поглотив все остальные чувства. В том числе и страх. Его не было. Даже в шкафу! Он это знал точно. Тоска по ускользающей любви убила непобедимый страх, но Пётр в эту минуту даже не придал этому особого значения.

Он вздохнул и грустно улыбнулся природной вечности и красоте. Всё мирское преходяще. Так, вроде, говорят? Верно говорят. В каком-то старом советском фильме про басмачей ему врезалась в память одна фраза, сказанная врагом советской власти, а значит – бандитом. Тот бросил её красноармейцу перед схваткой: «Здесь жизнь – лишь игра и забава». В то время она ему понравилась, но потом Пётр понял, что это не так. Ложь, вбитая в сознание и заставляющая идти на смерть с минимальным чувством страха, а то и вовсе – без оно. Результат верен, неверна сама догма. Здесь жизнь – это проверка человека на прочность. В первую очередь – духовную. В толпе идти на смерть легче, чем ступать на эшафот в одиночку, к тому же – непонятым и оплётанным. То, чего человек не понимает или это ему не выгодно, он инстинктивно или рассудочно отторгает, и, злобно шипя, кричит – распните его! И получается, что вся человеческая жизнь, это выбор – Человек ты или мразь?!

И будь сейчас на месте Петра кто-то другой, менее щепетильный в вопросах чести, столкновения, скорее всего, сумел бы избежать. По всему, драку не предполагали и идущие встречным курсом. Нагло уверенные в своём превосходстве, они лишь желали цинично развлечься. Их наглые и похабные шуточки и издёвки возмутили Петра, но он держал себя, что называется, в руках. Лишь вежливо предложил немедленно извиниться и убраться восвояси. Пётр всегда давал противнику шанс к отступлению. Один из них удивлённо спросил:

– Да ты, старый, совсем страх потерял?

Петра этот вопрос рассмешил.

– Ты даже, юноша, не представляешь, насколько ты сейчас прав! Буквально минуту назад он исчез. Не хотите последовать его примеру?

Но ребята не захотели. Люба вцепилась в Петра как клещами, на её глаза навернулись слёзы, она что-то шептала ему в ухо, потом умоляла тех оставить их в покое, чем вызвала новый поток оскорблений. Последней ядовитой каплей, убившей не только последние крохи страха, но и врождённый инстинкт самосохранения, послужила выходка одного из подонков, который бесцеремонно позволил себе проверить на упругость передние и задние прелести женщины, с силой схватив их руками.

Противник оказался не из робкого десятка, толк в драках знал и отступать не собирался. Столкновение принимало ожесточённый и кровопролитный характер, и, судя по напористости сторон, не предвещало ничейного результата. Пётр был слеп, лишь изредка, сквозь пелену нездорового азарта, он видел мечущийся силуэт Любви, рыдавшей и что-то кричавшей. Пётр был глух. Он дрался как в тумане, где видел только врага и ничего вокруг. Но и здесь привычка к анализу не оставили его полностью, позволив сделать нелицеприятное для себя заключение. «Напрочь потерял всю сноровку за столько лет протирания штанов в кабинете, – мысленно выругал сам себя Пётр, и зло ухмыльнулся. – Здесь же работы максимум минуты на три».

Прояснение наступило внезапно, когда полковник в отставке увидел убегающие тени и свою влажную от крови рубашку в области живота. Он успел прижать к себе Любу, поцеловать в щёку и, вселяя в неё надежду, прошептать: «Всё будет хорошо». Потом в глазах всё поплыло и Пётр начал медленно оседать на песок, пока сознание не закрылось полностью.

Обречённый утонуться никогда не сможет повеситься. С ярыми фаталистами можно соглашаться, можно не соглашаться, можно отчаянно спорить, но нельзя отрицать очевидных фактов. А факт в том, что Пётр остался жив после очередного ранения, за которое он впервые не получит награды. Да он за ними никогда и не гонялся. Пётр, как человек настоящий, жил по велению совести, а как солдат – по историческому кодексу чести, и награды, вперемежку со злыми и завистливыми насмешками, находили его сами.

Пробыв, после операции, сутки в реанимации, он был доставлен в общую палату с окном на южную сторону, а значит, с ежедневной солнечной улыбкой. Петру опять повезло – ни один жизненно важный орган не задет. Слепая случайность или Божественная закономерность? Как будто, кто-то руководил движением лезвия, а потом, достигнув выбранного предела, это движение резко остановил. Судьба? Даже если она и есть, никогда не следует ходить к гадалкам и колдунам. Но если вдруг, всё-таки, заглянули в этот магический вертеп, то никогда не спрашивайте о дате своей смерти. Иначе умрёте гораздо раньше – от нервного истощения, либо от сердечной недостаточности.

Прошло три дня. К Петру, после утреннего обхода, уколов и капельницы, заглянул следователь, чтобы уточнить показания. На этот раз узнав, что потерпевший его коллега, они мило побеседовали о преступности в курортном городе, обсудили плюсы и минусы работы здесь, приводя в качестве доказательств анекдоты на эту тему, а затем майор записал более подробный рассказ Петра о случившемся, вежливо пожурился тому за неясность в описании преступников. Пётр в ответ лишь извинительно улыбнулся. Ему было совершенно безразлично – найдут их или нет. Даже лучше, если бы не нашли. Он никак не хотел фигурировать в качестве пострадавшего. Да Пётр таковым себя и не считал. Он защитил честь своей дамы, а значит, и своё человеческое достоинство. А это самое главное. Всё остальное – пустяки! Кроме, пожалуй, одного. Его дамы сердца не было рядом. Видимо, дав показания полиции, она уже давно дома, в кругу семьи?! От этой грустной мысли даже солнечный день начинал меркнуть и в душе наступали сумерки. В такие минуты Пётр жалел, что остался жив. Он закрыл глаза и плотно сжатые веки увлажнились, а сердце кто-то медленно сжимал тисками, и когда казалось, что ещё немного... и всё, невидимый садист ослаблял давление, чтобы спустя время вновь приступить к своей инквизиторской пытке.

Но, как всегда и везде, время лечит, а жизнь продолжается. Жизнь, приравненная к существованию. С тихими радостями, мелкими неприятностями и повседневными заботами. Обычная человеческая жизнь. И лишь смельчаки, подхваченные ураганом любви, способны преодолеть гравитацию мешанства и душой воспарить к звёздам. И только они знают, какое это наслаждение! Даже наперёд зная, что за наслаждением всегда следует страдание – таков суровый закон бытия, – но, честное слово, за минуту космического блаженства можно не задумываясь отдать десяток серых и туманных лет повседневного прозябания. Пётр был счастлив даже сейчас. Даже без неё, но всегда рядом с нею.

А завтра прилетит жена. Она его любит, и он её. Но это совершенно другое. Музыка абсолютно другой тональности, не будоражающая своим звучанием глубинные фибры души. И это при том, что случись, не дай Бог, что-то подобное с женой, Пётр готов, не задумываясь, отдать за неё жизнь. Он открыл глаза и...

О, чудо! Пётр не мог поверить представшему видению. Мираж! Галлюцинация! Или он окончательно сходит с ума? Десять дней, оторванных от реальности, десять дней, потрясших его устойчивый мир, и в финале, как в дешёвой мелодраме, ранение и сотрясение и без того взбудораженного мозга. Но мозг здесь совершенно не при чём. За десять дней до этого слу-

чилось такое сильное сотрясение души, которое, если оценивать по шкале Рихтера, далеко зашкалило бы за максимальную отметку. И получается, что любовь, как стихийное бедствие, самое страшное, разрушительное и... самое приятное.

Напротив Петра, в раскрытой двери, стояла Любовь. Его Любовь! Во рту пересохло, и язык прилип к нёбу. Он не мог вымолвить ни слова. Лишь вулканический жар вспыхнул в груди, обжигая пробитое отравленной стрелой Купидона сердце.

– Здравствуй, любимый! – восторг вылился в тихий шёпот, который не сумел бы перекричать ни один динамик. Любовь сияла, и своим сиянием осветила для него палату, как тысячи солнц. Петру хотелось вскочить и броситься навстречу, поднять её на руки и кружить в бешеном ритме вальса. Но этого он сделать не мог, а лишь приподнялся и хрипло произнёс волшебное имя – Любовь.

– Лежи, милый, не делай резких движений, – она подошла к кровати и присела рядом. – Я так по тебе соскучилась, будто не видела целую вечность. Хотя слетала домой всего на два дня. Но ничего, теперь мы будем вместе. Я буду рядом с тобой.

– Всегда? – с мольбой и как-то по-детски спросил Пётр.

Любовь загадочно улыбнулась, а из глаз огненным фейерверком на Петра сыпались искры нежности и жалости.

– Всегда, – ответила она и взяла его за руки.

Но тут он вспомнил прошлую жизнь, и грусть отразилась на его лице.

– Завтра приезжает моя жена, – сдавленно сообщил Пётр и поднёс её руку к своим губам.

Любовь указательным пальцем прижала его губы, умоляя ничего не говорить. Потом, наклонившись к самому уху, и обдав ароматом упавшей на его лицо пряди волос, тихо-тихо прошептала:

– Всё замечательно, любимый. Завтра приезжает мой муж, чтобы поблагодарить тебя за моё спасение. Он прекрасный человек.

Любви таинственные тропы

1

Максим всегда считал себя космополитом и человеком отнюдь не сентиментального характера. Хотя, конечно, и космополитизм, и сентиментальность, имея чёткое буквальное определение, имеют границы, пусть и сильно размытые, индивидуального космополитизма и разные степени сентиментальности.

Кто-то от избытка чувств падает без чувств, а кто-то, по той же причине, лишь непроизвольно усилит блеск глаз. Кому-то совершенно наплевать, где жить, лишь бы было удобно и комфортно. А кому-то удобно комфортно жить везде, но для полноты жизни и счастья всё равно чего-то не хватает. И не все сразу понимают – чего.

Родина, если отбросить государственно-политическую идеологию, это то место, где человек родился и провёл счастливейшую пору своей жизни – детство.

А детство, если оно не пришлось на страшное время войны или революции, да к тому же не омрачено присутствием крайне злобных и антисоциальных родителей, всегда счастливое.

Правда, понимаешь это уже тогда, когда оно отдаляется от тебя на расстояние смутных воспоминаний. А цепкость этих воспоминаний прямо пропорциональна возрасту. Хотя, опять-таки, всё глубоко индивидуально. Но, как бы там ни было, вывод один: теперь, наконец-то, стало понятно, почему многие пожилые люди впадают в детство.

Максиму ещё не было и сорока, когда он почувствовал жестокие приступы постоянной тоски и услышал призывные ностальгические отголоски.

Вначале эти симптомы были ещё не настолько болезненны, чтобы по-настоящему взбудоражить внутренний мир серьёзного и делового человека, ставшего, правда, таковым не по зову сердца, а в силу сложившихся обстоятельств.

Но, как оказалось, это были только цветочки. И ягодки не заставили себя ждать.

Не прошло и полгода, как они выросли, созрели и тяжёлыми гроздьями придавили душу Максима, вызвав в ней полное смятение чувств, выплёскивая наружу неудовлетворение и раздражительность. Неужели его примитивно потянуло в родные края? Только ли ностальгия терзала его душу? Максим сам прекрасно знал, что нет. Не это было главным. А если точнее, то это вовсе не было главным.

Макс всю жизнь жил с душевной болью, то притупляющейся, то обостряющейся. Он уже к ней привык, с ней сроднился и даже научился с ней ладить. Но в последнее время эта тягостная и назойливая сожительница стала невыносимой.

Эта боль, несомненно, являлась болезнью. И все симптомы этой болезни были, что называется, налицо. Однако болезнь нельзя лечить по косвенным симптомам, не установив её истинной причины. Её зародыша. А зародыш его болезни находился глубоко в его душе. А душа была там – на родине. И эту истину Максим понял окончательно.

Следовало предпринимать срочные меры, пока болезнь не затянулась и не привела к, возможно, трагическому финалу.

Лишь любовь к семье помогала ему ещё держаться на плаву. А силу грести придавала любовь жены и детей. Потому что односторонней любви для полноценного каботажного плавания по жизни мало.

А вот на работе, не манящей и ранее, всё валилось из рук. Она вызывала в Максime неприязнь, почти физическое отторжение. Психологическая бомба могла взорваться в любую минуту. Он чувствовал и понимал это, и от этого становилось страшно. Потому что он будет бессилён предотвратить взрыв.

– Максим, сынок, – ласково выговаривал ему тесть в его рабочем кабинете, – ты стал крайне небрежен в делах. Что с тобой? Я подумал, может в семье не лады?! Но нет. Спросил у Кати. Катя говорит, что в семье всё нормально, всё в порядке. И дело не в семье, а в тебе. Что именно с тобой происходит что-то странное. Катя говорит, что тебя понимает. Ну, это понятно. Жена должна понимать мужа. Но я тоже хочу понять! Объясни! Может здоровье беспокоит?

– Беспокоить может болезнь, а не здоровье, – не громко, но резко ответил Макс. Но открывать тайну не стал. – Да здоров я!

– Тогда что? – допытывался тесть. – Где былая инициатива? Где креатив? Ты становишься меланхоликом и интровертом, погружённым в себя. А надо быть погружённым в дела!

Тесть незаметно самодовольно усмехнулся. Ему очень понравилось то, что он только что сказал. Когда-то он следил только за «базаром», но потом, став солидным и уважаемым человеком, стал следить и за речью. Для этого стал читать полезные книги – энциклопедии и толковые словари.

– Для вас, Лев Тигранович, – сказал сдержанно Макс, – всё дело в деле. И только деловой человек, это человек. А интроверт и меланхолик, значит, уже нелюдь?!

– Почему не люди?! Люди. Но другие. Меланхолики, интроверты и моралисты – в бизнесе обречены на вымирание. Как мамонты. Или динозавры. И вот это твоё нынешнее состояние, может быть, хорошо для поэта и философа, а для делового человека – смерть. – И не удержался от неожиданно родившегося каламбура. – При таком состоянии очень легко потерять состояние!

Максиму очень хотелось крикнуть, что он в гробу видел его, тестино, состояние! Что его уже достал весь его бизнес! Что его от всего этого уже тошнит!

– Вчера по твоей вине на таможне задержаны три фуры груза, – беззлобно, даже как-то совершенно беспристрастно, сообщил Лев Тигранович. – А этот вопрос сугубо в твоей компетенции. Граница и таможня – твои сферы деятельности.

– Я не пограничник и не таможенник, – по-детски огрызнулся Макс.

– Правильно, – согласился тесть. – Ты топ-менеджер, курирующий доставку и распределение товара. Ты главный связной, который прочно связывает синхронную и бесперебойную работу таможенной службы с нашими средствами передвижения. Хорошо, что мне вовремя позвонили, я подсуетился и выправил ситуацию. Кто покрыл бы расходы, если бы эти паразиты конфисковали 60 тонн птицы?

– Если бы та птица не была нашпигована «химией» и не заморожена, она уже давно разложилась бы на вонючие атомы, – ответил хмуро Максим, вспомнив, что лучшая оборона, это атака.

– На это и существует технический прогресс, – парировал тесть, и глаза блеснули огоньком алчности. – Современные технологии в физике, химии и фармакологии. Включая все виды транспортных рефрижераторов.

– А люди, значит, должны платить деньги и жрать эти ядохимикаты? – спросил зять, храбро насупившись.

– Дорогой зять, – по-прежнему ласково увещевал Лев Тигранович. – Если ты будешь думать о здоровье народа, а не о его деньгах, которые он тебе должен отдать, то вскоре обанкротишься и сам станешь частью этого народа. Низшей кастой человечества. Ты этого хочешь? Оно тебе надо?

Макс отступить не собирался.

– Я сам из народа, – гордо заявил он. – Поэтому был, есть и буду его частью.

Тесть поморщился.

– Я тоже, – брезгливо ответил он. – И как только я решу стать кандидатом в депутаты, то буду кричать об этом громче всех. Но зачем эта демагогия здесь?

У Максима не было прямого и категоричного ответа на этот вопрос. Если говорить откровенно, то он никогда не был борцом за социальную справедливость. Да и сейчас он меньше всего думал о народе. Просто непонятные внутренние метаморфозы всколыхнули в нём дремавший дух бунтарства. Макс всё прекрасно понимал, но этот самый дух, не желая угомониться, заставлял спорить. А если бы его оппонентом был кто-то другой, а не почти родной человек, то спор мог легко перейти границу словесной перепалки.

– Вы забываете, уважаемый Лев Тигранович, – сказал Макс, повысив для убедительности голос, – что, благодаря этой самой низшей касте человечества, так называемая высшая каста, имеет все блага этого мира. Одни создают прозябают, другие пользуются и процветают.

Тесть выставил перед зятем согнутую в локте руку, сжатую в кулак, но с оттопыренным указательным пальцем. Потом этой рукой сделал короткое движение, наподобие маятника, и с хитрящей улыбкой сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.